

Г. М. Коваленко

**TWÓRCA KRÓLA & KUNGAMAKAREN.
СТАНИСЛАВ ЖОЛКЕВСКИЙ И ЯКОБ ДЕЛАГАРДИ
В РОССИИ**

Внешнеполитической составляющей русской Смуты начала XVII в. было иностранное военное присутствие, в ходе которого внешние силы взаимодействовали с различными слоями русского общества. Механизмы этого взаимодействия на примере русско-польских отношений раскрыл Б. Н. Флоря¹. При этом он актуализировал тему «русское общество и иноземный кандидат на престол», которая до недавнего времени рассматривалась, главным образом, в плане предательства национальных интересов.

Следует отметить, что как русское общество, так и внешние силы в Смутное время были представлены не только различными политическими и социальными силами, но и конкретными лицами, которые оказывали непосредственное влияние на характер и результаты этого взаимодействия. При этом они выдвигали собственные проекты, соответствовавшие их представлениям о государственных интересах.

Наиболее яркими фигурами, представлявшими противоборствующие внешние силы в России, были шведский военачальник Якоб Делагарди и его оппонент — польский гетман Станислав Жолкевский, оставившие заметный след не только в военной, но и в политической истории Смуты. Представляя интересы своих стран в России, они были посредниками между русским обществом и правителями своих государств.

В Смутное время Россия стала ареной столкновения политических интересов Польско-Литовского государства и Швеции, а их борьба за московский престол была одним из моментов в борьбе протестантизма с католичеством. В 1587 г. сын шведского короля Юхана III и польской принцессы Екатерины Ягеллонки Сигизмунд, оставаясь наследником шведского престола, был избран польским королем, а в 1592 г. после смерти отца был объявлен и королем Швеции. Младший брат Юхана III герцог Карл,

¹ Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005.

поддерживаемый лютеранской церковью, возглавил борьбу оппозиционного дворянства и бюргерства против Сигизмунда. В 1594 г. он был объявлен правителем государства, а в 1604 г. королем Швеции. Детронизация Сигизмунда стала началом непримиримой вражды и длительного династического конфликта между двумя ветвями династии Васа. Этот конфликт обострил давний спор Швеции и Речи Посполитой о господстве на Балтике, который вылился в затяжную войну с религиозным оттенком.

Война со Швецией заставила правящие круги Речи Посполитой предпринять попытку заключения военно-политического союза с Российским государством. Канцлер Лев Сапега привез в Москву проект соглашения, направленный на слияние Русского государства с Польско-Литовским. После того как Борис Годунов отверг проект такого «соединения», правящие круги Речи Посполитой решили воспользоваться внутренним кризисом в России для того, чтобы устранить монарха, отклонившего их предложения и способствовать возведению на русский престол такого правителя, который должен был не только вернуть часть утраченных Речью Посполитой земель, но и заключить соглашение, которое должно было создать условия для широких контактов польско-литовского и русского общества, что, в конечном итоге, должно было привести к подчинению России влиянию, идущему от этого общества².

Польские политики считали Московское государство серьезным и опасным противником, а потому были едины во мнении о том, что окончательное и благоприятное для Речи Посполитой решение восточной проблемы может быть достигнуто лишь при условии его подчинения политическому влиянию Речи Посполитой и превращения в часть политической системы, во главе которой стояло бы польско-литовское дворянство³.

В этой ситуации для Карла IX первоочередной внешнеполитической задачей было не допустить создания русско-польско-литовской коалиции, что грозило ему не только утратой шведских владений в Прибалтике, но и потерей шведской короны. Потерпев ряд поражений в Ливонии, Карл IX опасался усиления Польши за счет России и был готов оказать последней военную помощь. Для него было важно поддерживать в России всякое независимое от Польши национальное правительство. «Надо пользоваться временем смут в России, — говорил король — ибо пока между русскими нет единства, не трудно составить себе там партию приверженцев и через нее действовать в свою пользу»⁴.

Смута создавала также благоприятные возможности для реализации «Великой восточной программы» Юхана III, направленной на захват побережья Финского залива и пограничных крепостей — Ивангорода, Яма, Копорья, Орешка и Корелы, а также побережий Белого и Баренцева морей, Северной Карелии и устья Северной Двины. Эта программа легла в основу завоевательных планов шведских правящих кругов рубежа XVI–XVII вв.⁵

Карл IX неоднократно предлагал помощь Василию Шуйскому, и всякий раз получал отказ. Однако в середине 1608 г. стало ясно, что Шуйский не в состоянии привести страну к присяге, города один за другим переходили на сторону самозванца. В такой ситуации он решил опереться на внешнюю силу и согласился принять шведскую

² *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978. С. 249–267.

³ *Флоря Б. Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 54–55.

⁴ *Форстен Г. В.* Политика Швеции в Смутное время // ЖМНП. 1889. № 2. С. 333.

⁵ История Швеции / Под ред. А. С. Кана. М., 1974. С. 167–168.

помощь⁶. В феврале 1609 г. в Выборге был заключен договор о союзе и военной помощи, на условиях передачи шведам «в вечное пользование» города Корелы с уездом⁷. Выборгский договор получил неоднозначные оценки со стороны современников и потомков. Тем не менее, очевидно, следует согласиться с мнением Б. Ф. Поршнева о том, что «заключенный в 1609 году союз со Швецией против Польши, хотя и дорого обошелся России, все же оказал ей совершенно реальную помощь в борьбе с польской интервенцией»⁸.

Заключив соглашение с Карлом IX, правительство Василия Шуйского получило союзническую и в то же время наемную армию со всеми ее достоинствами и недостатками. Главное ее достоинство заключалось в профессионализме. «Ни одна европейская армия XVII столетия не обходилась без наемников. Знание законов войны, владение современными тактическими приемами, сплоченность, мобильность, корпоративность, профессионализм и опыт, достигавшиеся многолетней службой под знаменами различных стран и государей, обеспечивали им конкурентные преимущества на поле брани»⁹. Наемными войсками командовал внук Юхана III Якоб Делагарди, прошедший школу военного искусства в войне с Польшей и в армии Морица Оранского в Голландии.

Выборгский договор был договором о союзе «со обеих сторон на Жигимонта короля польского»¹⁰. По мнению В. Козлякова, этот договор не был частным делом двух правителей, поскольку вся конструкция европейской дипломатии строилась с учетом соперничества Карла и Сигизмунда, которые много лет воевали друг с другом¹¹. Обращение за помощью к своему заклятому врагу и сопернику Сигизмунд III расценил как вызов, оскорбление и угрозу и начал подготовку к открытой интервенции.

Под знамена короля был призван гетман Станислав Жолкевский. Он был противником этой войны, поскольку считал, что она не соответствует интересам Польши. К тому же он подозревал, что «в предстоящей экспедиции король намерен искать пользы не столько для республики, сколько собственно для себя»¹². Как отметил Р. Г. Скрынников, «Никто не выражал так много сомнений и опасений по поводу затеянной авантюры, как коронный гетман Жолкевский. Он не разделял сумасбродных идей насчет колонизации России и высказывался за соглашение с русской знатью, за унию двух государств»¹³.

Приняв участие в «Димитриаде», гетман решил воспользоваться ситуацией, открывавшей возможности для диалога между польско-литовским и русским дворянством и включения Московского государства в политическую систему Речи Посполитой, что в перспективе создавало возможности для преодоления вековой вражды между двумя государствами.

Позиция гетмана не совпадала с позицией короля не только в политической, но и в военной плоскости. Он указывал королю на трудности, которые будут ожидать

⁶ Петрова Н. Г. Скопин-Шуйский. М., 2010. С. 175–176.

⁷ Акты исторические. Т. II. СПб., 1841. № 160.

⁸ Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976. С. 39.

⁹ Ноздрин О. Солдаты Смуты. Наемники в России начала XVII века // Военные в традиционной культуре Старого Света. Жизнь. Окружение. Нравы. Орел, 2004. С. 39.

¹⁰ РГАДА. Ф. 96. 1609. Оп. 1. № 4. Л. 1

¹¹ Козляков В. Н. Василий Шуйский. М., 2007. С. 182.

¹² Письмо Жолкевского о Московском походе // Записки гетмана Жолкевского. Рязань, 2007. Приложение № 2. С. 429.

¹³ Скрынников Р. Г. Минин и Пожарский. Хроника Смутного времени. М., 1981. С. 120.

польскую армию в России в осеннее и зимнее время, и считал, что польская армия не располагает достаточными средствами для того, чтобы овладеть Смоленском, а потому советовал блокировать крепость и идти на Москву. Но Сигизмунд III не прислушался к его советам.

В военной истории Смуты Жолкевский остался, прежде всего, как победитель в Клушинском сражении. Воспользовавшись разделением сил противника, он упредил наступление союзных войск к Смоленску и нанес сокрушительное поражение ратникам Дмитрия Шуйского и наемникам Якоба Делагарди¹⁴. Клушинское сражение показало высокую боеспособность и моральное превосходство польских «крылатых гусар» над наемниками. В этой связи гетман писал Л. Сапеге: «Для них (наемников. — Г. К.) дело шло о добыче и вознаграждении, а для нас — о нашей жизни, благосостоянии и государстве»¹⁵.

Поражение союзной армии под Клушиным было также следствием глубокой деморализации русского общества, частью которого была армия. Ее низкий боевой дух определялся общей атмосферой, которой И. Е. Забелин дал такую характеристику:

«Вся правящая и владеющая среда в государстве утратила в глазах народа малейшее нравственное значение. Она вся изолгалась, перессорилась, потянулась в разные стороны, преследуя от первого до последнего человека лишь одну цель — захват власти, захват владения. <...> Все искали и хватали себе побольше личного благополучия и вовсе забывали о том, что надо было всей Земле»¹⁶.

Так что «в московском войске, особой охоты защищать Василия Шуйского не было ни у кого»¹⁷.

Клушинское сражение стало одним из переломных моментов в истории Смуты. Оставшись без армии, Василий Шуйский приказал собрать дворянское ополчение и готовить столицу к осаде. Но ни один из городов, ранее с готовностью откликавшихся на призывы М. В. Скопина-Шуйского, не прислал помощи царю Василию. Его дни были сочтены. Следует отметить, что свержение Шуйского произошло не без участия Жолкевского. В своих «Записках» он пишет о том, что «посылал тайным образом в Москву много писем с универсалами для возбуждения ненависти против Шуйского, указывая, как в царстве Московском во время его правления все дурно»¹⁸.

После Клушина Жолкевский действует по преимуществу словом и пером, а не саблей. Подойдя к Москве, он «с московскими людьми съехался для переговоров и так им сказал: Если хотите пролитие крови христианской прекратить, то просите себе у польского короля на Московское государство королевича Владислава Сигизмундовича, чтобы был царем. Тогда будем как одно царство, и пролитие крови христианской прекратится»¹⁹. Гетман понимал, что русское общество не примет Сигизмунда, в то время как «пробывание королевича Владислава на престоле Московском споспешествовало бы для мира

¹⁴ Делагарди встречался с Жолкевским в 1601 г. в Ливонии, где попал в плен при взятии поляками. Перед сражением он говорил Д. Шуйскому: «Когда я был взят в плен при Вольмаре, гетман подарил мне кунью шубу, а у меня теперь есть для него соболя, которую я ему подарю». Однако поквитаться с гетманом ему не удалось.

¹⁵ Видекин Ю. История шведско-московитской войны XVII века. М., 2000. С. 120.

¹⁶ Забелин И. Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1901. С. 5–6.

¹⁷ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 1. М., 1990. С. 675.

¹⁸ Впоследствии Жолкевский проявил сострадание к поверженному противнику. Он ходатайствовал перед Боярской думой о том, чтобы Шуйскому не причиняли никакого вреда и не покушались на его жизнь и здоровье. Уезжая из Москвы, он взял его с собой. Считая его пострижение незаконным, он разрешил ему сменить монашескую ризу на мирское платье.

¹⁹ Повесть о победах Московского государства. Л., 1982. С. 61.

и спокойствия Речи Посполитой»²⁰. Поэтому, «имея достаточную опытность касательно воли народа московского, чтобы положить конец войне», он решил действовать «сообразно со склонностью этого народа» и поставил перед собой цель добиться избрания русским царем королевича Владислава.

Впервые идея об избрании польского королевича русским царем была высказана в январе 1610 г. в условиях распада тушинского лагеря тушинскими боярами во главе с М. Салтыковым. Не желая переходить на службу ни к Сигизмунду, ни к В. Шуйскому, они решили обратиться к Сигизмунду с предложением посадить на Московский престол Владислава. По мнению А. Л. Янова, «к этому экстраординарному решению» русских подтолкнуло «политическое отчаяние»²¹. Этот проект, создававший почву для компромисса между московскими боярами и тушинцами, остался лишь «декларацией о намерениях», тем не менее, он стал важной вехой в истории русской политической мысли.

18 августа боярское правительство подписало с Жолкевским договор об условиях избрания Владислава, главным из которых было принятие королевичем православной веры. От имени короля Жолкевский обещал после коронации Владислава очистить все порубежные города, занятые королевскими войсками²².

В свое время Б. Ф. Платонов связал призвание Владислава с попыткой восстановления государственного порядка²³. Развивая эту тему, Б. Н. Флоря показал, что вопреки традиционным представлениям, августовское соглашение об избрании Владислава не было результатом сговора узкой группы «бояр-изменников» с польской стороной. Его условия были выработаны при участии всех чинов русского общества, находившихся в то время в Москве. С избранием польского принца они связывали надежды на прекращение вмешательства Речи Посполитой в русские дела и возвращение монарху его традиционной для русского общества роли верховного арбитра, стоявшего над столкновением отдельных группировок, что должно было способствовать установлению порядка²⁴. Условием реализации соглашения должно было стать принятие русским обществом кандидатуры Владислава на российский престол, что во многом зависело от результатов переговоров с Сигизмундом под Смоленском. 11 сентября туда выехало посольство, в состав которого гетман включил наиболее вероятных конкурентов Владислава.

На какое-то время с поляками установились союзнические отношения, и совместными усилиями Лжедмитрий был отброшен от Москвы. Как писал П. Петрей,

«Москвитяне вошли в польский стан, а поляки в город, покупали и продавали друг другу, разговаривали и гуляли вместе; радость, дружба и согласие были взаимными <...> московиты стали намного отважнее благодаря помощи, полученной от Жолкевского <...> и поэтому ему (Лжедмитрию. — Г. К.) пришлось бежать в Калугу с оставшимся у него войском»²⁵.

²⁰ Записки гетмана Жолкевского. Рязань, 2007. С. 408.

²¹ Янов А. Тень грозного царя. М., 1997. С. 148.

²² «Жолкевский же составил с москвичами договор: не биться и тушинского вора от Москвы совместно с ними отогнать, а королю польскому сына своего крестить в православную христианскую веру, на царство его дать» (Повесть о победах Московского государства. Л., 1982. С. 62).

²³ «После свержения Шуйского московское население думало восстановить порядок признанием унии с Речью Посполитой, и потому призвало на московский престол королевича Владислава» (Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве. М., 1995. С. 291).

²⁴ Павлов А. П., Седов П. В. Рецензия на книгу Б. Н. Флоры «Польско-литовская интервенция в России и русское общество». М., 2005 // Отечественная история. 2007/6. С. 181.

²⁵ Петрей П. История о великом княжестве Московском... // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 66; Petreio P. Regni Muschovitici Sciografia. Stockholm, 1615. S. 45.

Однако среди посадского населения были сильны антипольские настроения и симпатии к самозванцу. Поэтому в условиях подготовки похода против самозванца «члены Боярской думы стали проявлять беспокойство о том, что будет происходить в столице, где есть сторонники Лжедмитрия II, когда в ней совсем не останется военных сил»²⁶. Опасаясь выступления москвичей на его стороне, бояре предложили гетману ввести в Москву польские войска. По свидетельству Н. Мархоцкого, он не хотел вводить войска в столицу²⁷, и согласился на это ради того, чтобы «московская чернь, склонная к возмущениям, не произвела бы мятежа и не призвала бы обманщика»²⁸.

После ввода войск в Москву, население которой восприняло поляков как враждебную силу, Жолкевский старался всеми средствами предотвратить столкновения между польскими солдатами и жителями столицы. Он сурово наказывал мародеров, приказал полякам не заводить ссор с москвичами, назначил судей из поляков и русских, которые сообща должны были разрешать возникающие споры. По его словам, «бояре и чернь, знавшие своеволие нашего народа (поляков. — Г. К.), удивлялись и хвалили, что мы жили так спокойно»²⁹.

Но такая ситуация сохранялась недолго. 26 января 1611 г. к гетману явилась депутация от москвичей с жалобой на насилие и произвол польских солдат. Они, в частности, пожаловались на одного польского дворянина, который в пьяном виде стрелял в икону Богоматери. Кроме того, они просили гетмана посодействовать тому, чтобы Владислав поскорее прибыл в Москву, иначе «они найдут другого жениха для такой дорогой невесты».

Жолкевский делал все для того, чтобы успокоить москвичей. Он объявил, что Владислав вскоре прибудет в Москву. Виновный в оскорблении иконы польский дворянин был осужден на смерть, ему отрубили руки и прибили их гвоздями под оскверненную икону. «Он строго приказал соблюдать законы, оберегать и защищать москвитян от насильственных поступков и ни под каким видом не тревожить их веры. Кто покусится на это, будет беспощадно наказан»³⁰. Петрей считает, что только его вмешательство позволило предотвратить кровавые столкновения между москвичами и поляками³¹.

Гетман не только успешно справлялся с ролью посредника в столице. Благодаря его усилиям многие города Замосковского края принесли присягу Владиславу. Как отметил Б. Н. Флоря, «это был несомненный успех не только московских “чинов”, но и другой стороны, заключившей договор — гетмана Жолкевского, курс которого на возведение польского принца на русский трон путем соглашения с русским обществом получил поддержку этого общества»³².

Жолкевский недолго пробыл в Москве. Узнав о неудаче переговоров под Смоленском, он понял, что его планы оказались в противоречии с планами короля, который посчитал, «что Россия <...> просится ему в руки»³³, и решил сам занять московский престол. Еще 19 августа в Москву прибыл гонец короля с предписанием, чтобы москвичи присягали не Владиславу, а Сигизмунду. Гетман считал, что это приведет к эскалации конфликта.

²⁶ Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция... С. 259.

²⁷ Мархоцкий Н. История Московской войны. М., 2000. С. 81.

²⁸ Записки Жолкевского. С. 396.

²⁹ Там же. С. 396–397.

³⁰ Петрей П. История о великом княжестве Московском... С. 169.

³¹ Там же. С. 167–168.

³² Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция... С. 265.

³³ Янов А. Л. Тень грозного царя. С. 148.

Гетман понимал, что достигнутые успехи будут непрочными, если на переговорах под Смоленском их не удастся закрепить выработкой соглашения, отвечавшего интересам русского общества, и приездом в Москву королевича Владислава³⁴. Поэтому, сдав начальство над польским гарнизоном в Москве Гонсевскому, он уехал из русской столицы под Смоленск, чтобы отстаивать свою позицию.

Однако все было напрасно, Жолкевскому не удалось стать *twórcem króla* в России. Сигизмунд III не прислушался к его советам, и в восточной политике Речи Посполитой возобладала тенденция, резко расходящаяся с планами и предложениями гетмана. Поэтому «договор бояр с Жолкевским оказался не более чем декларацией добрых намерений и желаний. Кандидатура Владислава быстро потерпела крушение, разбившись о скалу амбиций и миссионерского рвения его отца»³⁵. Король и его ближайшее окружение решили превратить Россию не в часть политической системы Речи Посполитой, а в подобие польской колонии по образцу испанских владений в Америке. Такая политика короля и его окружения противоречила не только политическим взглядам, но и моральным представлениям Жолкевского, поэтому он решил полностью отойти от московских дел. Когда до Смоленска дошли вести о беспорядках в Москве и подъеме широкого движения против поляков, король предложил гетману вновь отправиться в Москву. Но Жолкевский наотрез отказался от этого и, покинув лагерь под Смоленском, уехал в свое поместье³⁶.

В это время в игру на политической арене вступает соперник Станислава Жолкевского Якоб Делагарди, которому после Клушина также приходится быть больше политиком, чем полководцем. Узнав о переговорах гетмана с боярским правительством об избрании Владислава, 24 августа Делагарди обратился к московским и новгородским властям с письмом, которое представляет большой интерес, так как проливает свет на генезис шведской кандидатуры на Московский престол. Он предостерегал их от избрания царем сына польского короля, который хочет сделать русских своими рабами и уничтожить православную религию. Зная о том, что кандидатура шведского принца, которого можно противопоставить польскому кандидату, уже была выдвинута бывшими сторонниками М. В. Скопина-Шуйского, он советовал им избрать царем одного из сыновей Карла IX, но при этом настаивал исключительно на шведской кандидатуре: «Если русские желают себе добра, пусть возьмут царем одного из сыновей шведского короля или кого-нибудь из его кровных родственников и друзей, если уж они не хотят иметь великого князя из своей среды»³⁷.

В это же время Делагарди получил письмо от Жолкевского, в котором гетман, называя себя его доброжелательным другом, сообщал ему о том, что

«...столичный город Москва и все вельможи государства, сместив Василия Шуйского <...> принесли присягу светлейшему принцу польскому и шведскому Владиславу». Поэтому у шведов нет более оснований для вмешательства «в московитские дела».

На это Делагарди ответил, что он не связан с гетманом ни дружбой, ни договором, и призвал его «вывести войско из страны, не проявившей никакой враждебности к нему и не связанной присягой»³⁸.

³⁴ Флоря. Б. Н. Польско-литовская интервенция... С. 265.

³⁵ Крамми Р. О. «Конституционная реформа в Смутное время // Американская русистика. 2001. С. 244.

³⁶ Maciscewski J. Polska a Moskwa. 1603–1618. Warszawa, 1968. S. 218.

³⁷ Видекин Ю. История шведско-московитской войны... С. 141; Замятин Г. А. Россия и Швеция в начале XVII в. Очерки политической и военной истории. СПб., 2008. С. 37–38.

³⁸ Видекин Ю. История шведско-московитской войны... С. 144–146.

Весной 1611 г. Делагарди подошел к Новгороду и вступил в переговоры с новгородскими властями и представителем подмосковного ополчения В. Бутурлиным о совместных действиях против поляков и об избрании царем шведского королевича. Он считал, что шведский кандидат может получить поддержку в новгородской округе, где в это время шла борьба между сторонниками царя «Владислава Жигмонтовича» и шведами, оставшимися верными договору с правительством Шуйского³⁹.

После того как к Москве подошли войска Я. Сапеги, руководство ополчения, заинтересованное в шведской помощи, приняло решение о возможности избрания одного из сыновей шведского короля русским царем: «признали старшего сына короля Карла IX <...> достойным избрания великим князем и государем московитских земель»⁴⁰. В этой связи шведский историк Х. Альмквист отметил, что «кандидатура шведского принца возникла не в блестящий период побед шведского оружия, а в безнадежной ситуации, как последнее средство для противодействия династическим планам польского короля»⁴¹. По мнению Г. А. Замятина, приговор ополчения был формальным отказом от польского королевича и знаменовал собой крутой перелом в московской политике⁴².

Делагарди вел переговоры с ополчением на свой страх и риск и не особенно согласовывал свои действия с королем⁴³. Несмотря на приказ короля захватить Новгород, он медлил, поскольку в то время Новгород был местом сбора антипольских сил⁴⁴. Только после того как переговоры окончательно зашли в тупик, он взял Новгород штурмом.

25 июля 1611 г. новгородские власти подписали с Делагарди договор о союзе, который в соответствии с решением Совета ополчения предусматривал избрание одного из сыновей Карла IX великим князем Новгородского государства, а также Московского и Владимирского государств, если они того пожелают⁴⁵. Делагарди от имени короля обещал «не делать никакого препятствия и притеснения их вероисповеданию и богослужению, не принуждать к принятию иной веры, но как доселе было, так и впредь оставить свободное отправление древнего греческого исповедания, не разрушать и не расхищать храмов, монастырей, утварей и образов, не причинять никакой обиды священнослужителям»⁴⁶. По мнению Е. И. Кобзаревой, «этот договор закладывал основу существования Новгородского государства как герцогства под эгидой одного из сыновей Карла IX, но практически полностью подчинявшегося власти Делагарди»⁴⁷.

С этого времени в Новгородских землях установился оккупационный режим, который А. А. Селин характеризует как альянс, основанный на компромиссе между шведами

³⁹ Селин А. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 128.

⁴⁰ Видекинд Ю. История шведско-московитской войны... С. 200.

⁴¹ *Almqvist H. Sverige och Ryssland. 1585–1611. Uppsala, 1907. S. 199.*

⁴² Замятин Г. А. Россия и Швеция в начале XVII в. С. 51.

⁴³ Кобзарева Е. И. Шведский военачальник Я. П. Делагарди в России «Смутного времени» // Новая и новейшая история. 2006. № 3. С. 172–173.

⁴⁴ Видекинд Ю. История шведско-московитской войны... С. 159; *Södergren G. Om Gustaf II Adolfs plan att bliva rysk czar. Wexiö, 1868. S. 7–8.*

⁴⁵ *Sveriges traktater med främmande magter. Vol. I. Stockholm, 1903. S. 200–211.*

⁴⁶ Памятники истории Смутного времени. М., 1909. С. 75.

⁴⁷ Кобзарева Е. И. Шведский военачальник Я. П. Делагарди... С. 173.

и той частью новгородцев, которые предпочли оккупацию анархии⁴⁸. Возглавивший шведскую военную администрацию Делагарди, понимал, что удержать территорию гораздо труднее, чем завоевать ее, а потому стремился расположить к себе местное население. Неизвестно, читал ли он Макиавелли, но его поступки вполне соответствовали рекомендациям автора «Государя»⁴⁹. Он поселился в Новгороде, стал учить русский язык и осуществлял управление оккупированной территорией на основании русских законов, опираясь на русскую администрацию и русские традиции. Он проводил сравнительно мягкую налоговую политику, не допускал самовольства и притеснений местного населения, особенно священнослужителей⁵⁰, со стороны шведских солдат, дворян жаловал земельными наделами, купцам предоставлял торговые льготы⁵¹.

Делагарди хотел использовать экономические ресурсы Новгородской земли в интересах Шведской Короны, а потому старался не допустить ее разорения. Он советовал королю помягче обходиться с новгородцами, ибо они уже «достаточно натерпелись»⁵². Неслучайно советники короля упрекали его в том, что он «чужие земли доступает, а свои запустошил». Следует отметить, что иногда он вынужден был из собственного кармана финансировать находившиеся под его командованием войска, которые постоянно испытывали недостаток обмундирования, продовольствия и амуниции.

Вместе с тем военную кампанию в России Делагарди рассматривал как средство для улучшения своего материального положения, а потому занимался коммерческой деятельностью, в частности торговлей мехами, которые получал в ходе сбора средств на содержание войск. Только в 1610 г. он отправил из России для продажи 1400 собольих шкур. Уехав в Россию обремененным долгами, он вернулся домой вполне обеспеченным человеком⁵³. По сообщению А. Манкиева, «грабленным новгородским именем» он построил в Стокгольме «палаты медью крытые, а недалеко от Стокгольма «великий и богатый каменный замок» Якобсдаль»⁵⁴.

Однако главные усилия Делагарди направлял на то, чтобы добиться избрания на российский престол шведского принца⁵⁵. Перед ним открывалась вполне реальная и заманчивая перспектива стать создателем новой правящей династии (*kungamakaren*) в России и занять при ней соответствующее место. Корни династической политики, которую он проводит на свой страх и риск, уходят в стремление Эрика XIV и Карла IX заручиться поддержкой России в борьбе с Польшей⁵⁶.

⁴⁸ Селин А. Новгородское общество... С. 693.

⁴⁹ «Завоевателю <...> следует сохранить прежние законы и подати. <...> Если же завоеванная страна отличается по языку, обычаям и порядкам, то тут удержать власть поистине трудно, тут требуется и большая удача и большое искусство. И одно из самых верных и прямых средств для этого — переселиться туда на жительство» (Макиавелли Н. Избранные сочинения. М., 1982. С. 305–306).

⁵⁰ В документах Новгородского оккупационного архива сохранились сведения о том, как «Яков Пунтусович на поле гуляти ездил и в село заехал и в церковь Троицы на Паозерье отдал» ценности, взятые его солдатами при штурме города (Селин А. Новгородцы и шведы в начале XVII века // Канва истории. № 15. 2002. С. 126).

⁵¹ Фигаровский В. А. О грамоте новгородского правительства в Москву в 1615 г. // Новгородский исторический сборник. Вып. II. Л., 1937. С. 54.

⁵² Видекинд Ю. История шведско-московитской войны... С. 316, 322.

⁵³ Grill E. Jacob De la Gardie. Affärsmannen och politiken. 1608–1636. Göteborg, 1949. S. 25.

⁵⁴ Цит. по: Соловьев С. М. Сочинения. Т. XVI. М., 1995. С. 197–198.

⁵⁵ Это был не первый опыт его участия в большой политике. Во время своего пребывания в Голландии в 1606–1608 гг. он пытался содействовать заключению брака между принцем Морицем Оранским и шведской принцессой Анной, что могло привести к утверждению Оранской династии на шведском троне.

⁵⁶ Sveriges krig. 1611–1632. Bd. I. Danska och ryska krigen. Stockholm, 1936. S. 375.

Его проект создания новой правящей династии в России по своим целям, методам и результату был как бы зеркальным отражением проекта Жолкевского. В своих письмах к королю и шведским сановникам он доказывал, что избрание Карла Филиппа было бы для Швеции единственной возможностью оказывать действительное влияние на развитие событий в России, и просил, чтобы принц как можно скорее выехал в Новгород. «Если Карл Филипп, — писал он, — будет избран русским царем, то Швеция получит не только мир и спокойную границу на востоке, но и союзника в борьбе с Польшей. В противном случае усиление анархии в России создаст условия для расширения польской интервенции». Карл Филипп на московском престоле казался ему предпочтительнее, чем Густав Адольф, объединивший под своей властью две державы. В этом плане его интересы совпадали с интересами новгородцев, которые надеялись в лице Карла Филиппа обрести твердую власть и гарантию от территориальных притязаний шведского короля. По мнению шведского историка Б. Янгфельдта, осуществление династического проекта Деллагарди «изменило бы не только карту, но и историю Европы»⁵⁷.

Важнейшими условиями реализации этого проекта Деллагарди считал завершение переговоров с новгородским посольством архимандрита Никандра, отправленного в Стокгольм в январе 1612 г., и прибытие Карла Филиппа в Россию. Он сравнивал задержку новгородского посольства в Швеции с задержкой русского посольства в Польше и предлагает отпустить часть членов посольства домой, а другим разрешить переписку⁵⁸. Его беспокоили также территориальные планы короля, которые могли толкнуть русских к Польше⁵⁹. Несмотря на все его усилия, Карл Филипп так и не получил разрешения отправиться в Россию.

Весной и летом 1612 г. по разрешению Деллагарди произошел обмен посольствами между руководством Нижегородского ополчения и новгородскими властями. В центре этих переговоров был вопрос о шведском принце. Поддержав идею избрания Карла Филиппа русским царем, ярославское правительство отнеслось к этому проекту с определенной осторожностью. Оно потребовало от принца перехода в православие, а от короля — свидетельств его искреннего желания дать России царя и оказать действительную поддержку в борьбе с польско-литовскими отрядами.

Однако Густав II Адольф, не желая приносить территориальные интересы в жертву династическим, решил взять бразды правления в оккупированных Новгородских землях в свои руки. Поэтому он медлил с решением этого вопроса и задерживал отъезд Карла Филиппа на переговоры. Когда он, наконец, отпустил его на переговоры с новгородцами в Выборг, время было упущено. Самый осведомленный о русских делах швед Деллагарди на эти переговоры не поехал, так как уже не верил в их успех.

Последней страницей в истории шведского кандидата на московский престол стали переговоры в Выборге, куда летом 1613 г. прибыл шведский принц. Он приехал туда, не зная об избрании Михаила Романова. Переговоры зашли в тупик, поскольку стороны не смогли решить вопрос о переходе Карла Филиппа в православие, на чем категорически настаивала русская сторона. В конце 1613 г. в Выборг пришло известие о том,

⁵⁷ Янгфельдт Б. Шведские пути в Санкт-Петербург. Стокгольм; СПб., 2003. С. 21.

⁵⁸ Rikskansleren Axel Oxsenstiernas skrifter och brevvevling. Afd. 2. B. V. Jakob De la Gardies bref 1611–1650. Stockholm, 1893. S. 49–51.

⁵⁹ Sveriges krig. S. 427.

что Михаил Федорович признан царем всеми русскими областями за исключением Новгородской земли⁶⁰. 12 января 1614 г. Г. Горн объявил новгородским послам, что принц не может выехать в Новгород, так как до него дошли вести об избрании царем Михаила Федоровича, и он возвращается в Стокгольм. Г. А. Замятин сравнил отъезд королевича из Выборга в Швецию в январе 1614 г. с отъездом Сигизмунда с Владиславом из Волоколамска в конце 1612 г.⁶¹

После провала переговоров в Выборге Делагарди начинает играть роль посредника между Стокгольмом, Новгородом и Москвой. В 1614 г. он пытается склонить короля к мирным переговорам с московским правительством, в 1615 г. ведет переговоры с Д. Мерриком о снятии осады Пскова. Неслучайно новгородцы называли Делагарди «разумным боярином» и отмечали, что к миру «сходительнее всех Яков Пунтусов».

Следует также отметить, что он не проявил особого усердия в том, чтобы выполнить распоряжение короля о приведении новгородцев к присяге Шведской Короне. На это также указали посланные в Москву новгородцы: «Как был в Новгороде Яков Пунтусов, и писал король к нему о том, чтобы ему привести новгородцев ко кресту на королевское имя, и Яков им о том говорил, а при Якове не столь жестоко, как ныне Эверт Горн»⁶².

В 1616 г. Делагарди принял участие в русско-шведских переговорах и поставил свою подпись под Столбовским договором, по условиям которого шведские войска в марте 1617 г. оставили Новгород. Среди трофеев, вывезенных им из Новгорода, были документы Новгородской приказной избы. Однако он рискнул не выполнить пожелание короля и не вывез из Новгорода бронзовые врата Софийского собора, которые, как полагал Густав Адольф, в XII в. были взяты новгородцами в Сигтуне. Делагарди написал канцлеру А. Оксеншерне, что эти врата являются одной из главных новгородских святынь и не могут быть вывезены из Новгорода без опасения срыва мирных переговоров⁶³.

Во время своего пребывания в России Я. Делагарди, равно как и С. Жолкевский проявил себя как талантливый военачальник и политик. Следует отметить, что он был одним из немногих шведов, память о которых сохранилась в русском фольклоре. В исторических песнях и преданиях он оставил след, прежде всего, как соратник «оберегателя мира крещеного», талантливого русского полководца М. В. Скопина-Шуйского.

Несмотря на некоторое недоверие, возникшее к нему в Стокгольме во время его длительного пребывания в России, по возвращении в Швецию он занимал высокие государственные посты: стал риксмаршалом и губернатором Эстляндии и Лифляндии. В этом плане его также можно сравнить с Жолкевским, карьера которого, несмотря на непростые отношения с королем, была увенчана высшими государственными должностями коронного гетмана и канцлера.

До недавнего времени история Новгорода начала XVII в. была той страницей, которую старалась поскорее перелистнуть как дореволюционная, так и советская историография, поскольку считалось, что в то время местная элита сотрудничала с оккупаци-

⁶⁰ Замятин Г. А. К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1615). Юрьев, 1913. С. 111.

⁶¹ Замятин Г. А. Очерки по истории шведской интервенции в Московском государстве в начале XVII в. // ОР РГБ. Ф. 618. Картон 2. Очерк 3. Гл. III. Л. 72.

⁶² РГАДА. Ф. 96. Сношения России со Швецией. 1615. № 2.

⁶³ Rikskansleren Axel Oxenstiernas skrifter och brevvechling. 2:V. S. 94–97.

онным режимом Деллагарди и пыталась навязать русскому народу царя-шведа, подобно тому как «седмочисленные бояре», вступив в сговор с Жолкевским, пытались посадить на московский престол царя-поляка.

Следует отметить, что кандидатуры Владислава и Карла Филиппа появились не в результате происков внешних врагов, а в результате борьбы политических группировок в условиях распада государства и глубокого кризиса власти, породившего разочарование и недоверие к многочисленным отечественным искателям русского престола. Именно тогда в широких кругах русского общества становится популярной мысль о том, что Смута может прекратиться только «государским сыном»⁶⁴. А поскольку в России такового не было, его стали искать за границей — прежде всего у соседей: в Польше и Швеции. Если смотреть на это глазами современников событий, то следует согласиться с тем, что как москвичи, так и новгородцы в условиях глубокого социально-экономического и политического кризиса Русского государства, поставившего его на грань национальной катастрофы, пытались использовать иноплеменный фактор для сохранения государственности и национального суверенитета.

При этом речь шла не только о кандидатах на престол, но и об альтернативах политического развития. Как отметил Г. А. Замятин, «в 1610 г. преобладающее значение получил высший слой феодалов, тяготевший в сторону Польши. В 1611 г. перевес оказался на стороне среднего слоя, который потянулся к Швеции, где сила феодалов в известной мере уже была сломлена королевской властью в союзе с горожанами и крестьянами»⁶⁵.

Тушинский проект, равно как и приговор Совета всей земли, были важными вехами в истории русской политической мысли, открывавшими возможности для реализации различных альтернатив развития российской государственности.

А. Л. Янов считает, что «если бы этот документ (тушинский проект. — Г. К.) сработал, вся русская история пошла бы другим путем»⁶⁶. В. Б. Кобрин предположил, что осуществление проекта Жолкевского — «воцарение православного Владислава на Руси принесло бы хорошие результаты <...> Он превратился бы в русского царя польского происхождения, как его отец Сигизмунд был польским королем шведского происхождения»⁶⁷.

Аналогичную мысль о проекте Деллагарди высказал В. Н. Козляков: «Шведский королевич <...> в случае соблюдения условия с крещением в православие идеально подходил русскому двору. Он мог создать вечный противовес устремлениям главного врага — Сигизмунда III»⁶⁸. Даже Н. М. Карамзин сожалел, что «венец Мономахов» не возвратился к «варяжской династии», которая включила бы Россию в Вестфаль-

⁶⁴ «Возьмем чужеземца, который сам был бы королевского рода и в России не имел бы себе подобного, возведем его на престол; только тогда успокоится Россия. Иначе при всяком другом царе бедствиям не будет конца».

⁶⁵ Замятин Г. А. Очерки по истории шведской интервенции... Л. 129–130.

⁶⁶ Янов А. Тень грозного царя. С. 148.

⁶⁷ Кобрин В. Б. Смутное время — утраченные возможности // История отечества: Люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. М., 1991. С. 181.

⁶⁸ Козляков В. Н. Двор в поисках монарха в 1612 г. (забытый источник о новгородском посольстве к «Совету всей земли» в Ярославле) // Верховная власть, элита и общество в России XIV – первой половины XIX века. Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй. Тезисы докладов международной научной конференции. М., 2009. С. 74.

скую систему, определившую границы государств и «равновесие в Европе до времен новейших»⁶⁹.

Но и тот, и другой династический проект, не встретив поддержки со стороны королевской власти, так и остались «утраченными возможностями». Им не суждено было осуществиться, прежде всего потому, что ни польский, ни шведский кандидат не согласились перейти в православие, а русские люди не могли принять царя-иноверца. Кроме того, шведы, а еще в большей степени поляки своими действиями разочаровали русских людей и заставили их отказаться от иноземных кандидатов.

Следует также отметить, что всякие «конституционные искания», связанные с этими проектами, были делом узкого круга лиц, а широкие народные массы в то время не просто чуждались их, но отвергали любые посягательства на самодержавную власть. Погруженное в хаос русское общество жаждало порядка и предсказуемости, а поэтому было склонно к консерватизму. После Смуты наступила стабильная, но чисто традиционная жизнь. Модернизация страны была отложена почти на целое столетие⁷⁰.

Данные о статье:

Автор: Коваленко Геннадий Михайлович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, gmk49@mail.ru

Заголовок: *Twórcza króla & kungamakaren*. Станислав Жолкевский и Якоб Делагарди в России

Резюме: Одной из составляющих Смуты было иностранное военное присутствие, в ходе которого русское общество взаимодействовало с внешней силой (Швецией и Польшей). Наиболее яркими представителями этой внешней силы, оставившими заметный след в русской истории, были Якоб Делагарди и Станислав Жолкевский. В своей деятельности, направленной на осуществление политики своих правительств, первоочередной задачей они считали создание новой правящей династии в России. При выработке условий соглашений о приглашении польского и шведского кандидатов на российский престол они учитывали настроения тех сословных групп русского общества, которые соглашались призвать на русский престол Владислава или Карла Филиппа и возлагали надежды на возвращение монарху роли верховного арбитра. Обе кандидатуры (Владислава и Карла Филиппа) появились не в результате происков внешних врагов, а в результате борьбы политических группировок в условиях распада государства и глубокого морально-политического кризиса власти, породившего разочарование и недоверие к многочисленным отечественным искателям русского престола. Ни тому, ни другому плану не суждено было осуществиться, прежде всего потому, что ни польский, ни шведский кандидат не согласился перейти в православие, а русские люди не могли принять царя-иноверца. Кроме того, шведы, а еще в большей степени поляки своими действиями разочаровали русских людей и заставили их отказаться от иноземных кандидатов.

Ключевые слова: Смутное время, русское общество, Польша, Швеция, иностранные кандидаты на престол

Литература, использованная в статье:

- Almquist, Helge.* Sverige och Ryssland. 1585–1611. Uppsala, 1907. 273 s.
Grill, Erik. Jacob De la Gardie. Affärsman och politiken. 1608–1636. Göteborg, 1949. 297 s.
Замятин, Герман Андреевич. К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1615). Юрьев, 1913. 141 с.

⁶⁹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. III. Т. XI. М., 1989. С. 189.

⁷⁰ Кобрин В. Б. Смутное время... С. 184–185.

Замятин, Герман Андреевич. Россия и Швеция в начале XVII в. Очерки политической и военной истории. Санкт-Петербург: Европейский дом, 2008. 492 с.

Кобзарева, Елена Игоревна. Шведский военачальник Я.П.Делагарди в России «Смутного времени» // Новая и новейшая история. 2006. № 3. С. 170–184.

Кобрин, Владимир Борисович. Смутное время — утраченные возможности // История отечества: Люди, идеи, решения. Очерки истории России IX–начала XX в. Москва: Издательство политической литературы, 1991. С. 163–185.

Козляков, Вячеслав Николаевич. Василий Шуйский. Москва: Молодая гвардия, 2007. 300 с.

Крамми, Роберт. «Конституционная реформа» в Смутное время // Американская русистика. Б. м., 2001. С. 241–257.

Maciscewski, Jareta. Polska a Moskwa. 1603–1618. Warszawa, 1968. 324 s.

Петрова, Наталья Георгиевна. Скопин-Шуйский. Москва: Молодая гвардия. 2010. 314 с.

Платонов, Сергей Федорович. Очерки по истории Смуты в Московском государстве. Москва: Памятники исторической мысли, 1995. 463 с.

Поринев, Борис Федорович. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. Москва: Наука, 1976. 433 с.

Селин, Адриан Александрович. Новгородцы и шведы в начале XVII века // Канва истории. № 15. 2002. С. 125–128.

Селин, Адриан Александрович. Новгородское общество в эпоху Смуты. Санкт-Петербург: БЛИЦ, 2008. 747 с.

Скрынников, Руслан Григорьевич. Минин и Пожарский. Хроника Смутного времени. Москва: Молодая гвардия, 1981. 349 с.

Фигаровский, Василий Александрович. О грамоте новгородского правительства в Москву в 1615 г. // Новгородский исторический сборник. Вып. II. Ленинград, 1937. С. 53–82.

Флоря, Борис Николаевич. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. Москва: Индрик, 2005. 415 с.

Флоря, Борис Николаевич. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. Москва: Наука. 1978. 217 с.

Форстен, Георгий Васильевич. Политика Швеции в Смутное время // Журнал Министерства народного просвещения. 1889. № 2. С. 278–362.

Янгфельдт, Бенгт. Шведские пути в Санкт-Петербург. Стокгольм; Санкт-Петербург: БЛИЦ, 2003. 311 с.

Янов, Александр Львович. Тень грозного царя. Москва: Крук, 1997. 218 с.

Information about the article:

Author: Kovalenko, Gennady, Ph. D. in History, the scientific worker of the St.-Petersburg institute of a history of the Russian Academy of sciences, gmk49@mail.ru

Title: Twórcą króla and kungamakaren. Stanislav Zholkevsky and Jacob Delagardi in Russia

Summary: One of the Distemper's components was foreign military presence. During that time Russian society cooperated with the external force (Sweden and Poland).

The brightest representatives of this external force, who left an appreciable trace in Russian history, were Jacob Delagardi and Stanislav Zholkevsky. Their activity was aimed at fulfilling their governments' policies, and they considered as their main goal to create a new ruling dynasty in Russia.

While conditions of agreements on the invitation of the Polish and Swedish candidates to the Russian throne were being developed they considered moods of those class groups of Russian society which agreed to call Vladislav or Charles Phillip to Russian throne and hoped to return the role of the Supreme arbitrator to the monarch.

Both nominees (Vladislav and Charles Phillip) appeared not as a result of external enemies' intrigues, but as a result of the struggle of political groups in the conditions of disintegration of the state and deep

moral and political crisis of the power which generated disappointment and mistrust to numerous domestic selectors of Russian throne.

Neither one, nor another plan was fated to be carried out, first of all, because neither Polish candidate, nor the Swedish one agreed to pass to Orthodoxy. Russian people couldn't accept the tsar-adherent to a different faith. Besides, Swedes, and in a greater extent Poles, disappointed Russian people with their actions and forced them to refuse from overseas candidates.

Key words: The Time of Troubles, Russian society, Poland, Sweden, foreign candidates on a throne

References:

- Almquist, Helge. *Sverige och Ryssland. 1585–1611*. Uppsala, 1907. 273 s.
- Figarovskii, Vasilii Aleksandrovich. O gramote novgorodskogo pravitel'stva v Moskvu v 1615 g. [On the Novgorod's government charter addressed to Moscow in 1615], in *Novgorodskii istoricheskii sbornik [Historical miscellanea of Novgorod]*. 1937. Vol. II. S. 53–82.
- Florya, Boris Nikolaevich. *Pol'sko-litovskaya intervenciya v Rossii i russkoe obshestvo [Polish and Lithuanian intervention in Russia and Russian society]*. Moskva: Indrik, 2005. 415 s.
- Florya, Boris Nikolaevich. *Russko-pol'skie otnosheniya i politicheskoe razvitie Vostochnoi Evropy vo vtoroi polovine XVI – nachale XVII v. [Russia-Poland relations and political development of the Eastern Europe in the second half of the 16th – beginning of the 17th centuries]*. Moskva: Nauka, 1978. 217 s.
- Forsten, Georgii Vasil'evich. Politika Shvecii v Smutnoe vremya [The poliic of Sweden during the Time of Troubles], in *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvesheniya [The Journal of Ministry of Public Education]*. 1889. № 2. S. 278–362.
- Grill, Erik. *Jacob De la Gardie. Affärsmannen och politiken. 1608–1636*. Göteborg, 1949. 297 s.
- Jangfeldt, Bengt. *Shvedskie puti v Sankt-Peterburg [Swedish paths into St. Petersburg]*. Stockholm: Sankt-Peterburg: BLIC, 2003. 311 s.
- Kobrin, Vladimir Borisovich. Smutnoe vremya — utrachennye vozmozhnosti [Time of Troubles — lost opportunities], in *Istoriya otechestva: Lyudi, idei, resheniya. Ocherki istorii Rossii IX – nachala XX v. [History of the Country: people, ideas, solutions. Russia's History essays of the 9th – beginning of the 20th century]*. Moskva: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1991. S. 163–185.
- Kobzareva, Elena Igorevna. Shvedskii voenachal'nik J. P. Delagardi v Rossii «Smutnogo vremeni» [Swedish commander J. P. Delagardi in the Russia of the «Time of Troubles»], in *Novaya i noveishaya istoriya [New and Latest History]*. 2006. № 3. S. 170–184.
- Kozlyakov, Vyacheslav Nikolaevich. *Vasilii Shuiskii [Vasily Shuisky]*. Moskva: Molodaya gvardiya, 2007. 300 s.
- Krammi, Robert. «Konstitucionnaya» reforma v Smutnoe vremya [«Constitutional» Reform during the Time of Trouble], in *Amerikanskaya rusistika*. B. m., 2001. S. 241–257.
- Maciscewski, Jarema. *Polska a Moskwa. 1603–1618*. Warszawa, 1968. 324 s.
- Petrova, Natal'ya Georgievna. *Skopin-Shuiskii [Skopin-Shuisky]*. Moskva: Molodaya gvardiya, 2010. 314 s.
- Platonov, Sergei Fedorovich. *Ocherki po istorii Smuty v Moskovskom gosudarstve [Essays on the Time of Troubles in the Grand Duchy of Moscow]*. Moskva: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 1995. 463 s.
- Porshnev, Boris Fedorovich. *Tridcatiletnyaya voina i vstuplenie v nee Shvecii i Moskovskogo gosudarstva [The thirty year war and the joining of Sweden and the Grand Duchy of Moscow in the war]*. Moskva: Nauka, 1976. 433 s.
- Selin, Adrian Aleksandrovich. Novgorodcy i shvedy v nachale XVII veka [Novgorod citizens and the Swedish in the beginning of the 17th century], in *Kanva istorii [Historical Canvas]*. № 15. 2002. S. 125–128.
- Selin, Adrian Aleksandrovich. *Novgorodskoe obshestvo v epohu Smuty [Novgorod society in the Time of Troubles period]*. Sankt-Peterburg: BLIC, 2008. 747 s.

Skrynnikov, Ruslan Grigor'evich. *Minin i Pozharskii. Hronika Smutnogo vremeni* [*Minin and Pozharsky. Chronicles of the Time of Troubles*]. Moskva: Molodaya gvardiya, 1981. 349 s.

Yanov, Aleksandr L'vovich. *Ten' groznogo carya* [*The Shadow of the Terrible King*]. Moskva: Kruk, 1997. 218 s.

Zamyatin, German Andreevich. *K voprosu ob izbranii Karla Filippa na russkii prestol (1611–1615)* [*On the subject of the Carl Philipp election to the Russian throne (1611–1615)*]. Yur'ev, 1913. 141 s.

Zamyatin, German Andreevich. *Rossiya i Shveciya v nachale XVII v. Ocherki politicheskoi i voennoi istorii* [*Russia and Sweden in the beginning of the 17th century: Essays on political and military history*]. Sankt-Peterburg: Evropeiskii dom, 2008. 492 s.